

уникаломъ искусство, низводя его на степенѣ простого торгашества, такъ какъ въ ихъ дѣятельности искусство теряетъ всякій смѣслъ и значеніе. Для художника въ полномъ значеніи этого слова искусство является—культуромъ, предметомъ любви и глубокаго уваженія, а безкорыстное служеніе ему, сопряженное часто съ тяжелыми жертвами и страданіями,—единственною цѣлью, къ достиженію которой направлены всѣ его успѣхи. Вотъ почему такіе художники не изъ личнѣхъ видовъ, а въ интересахъ самаго искусства, должны гнать изъ своей среды все, что его унижаетъ и позоритъ. Это не только ихъ законное право, но прямая, священная обязанность.

М. ДАЛЪКЕВИЧЪ.

XXVII ВЪСТАВКА КАРТИНЪ ТОВАРИЩЕСТВА ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ВЪСТАВОКЪ.

ГВОЗДЕМЪ» выставки передвижниковъ является несомнѣнно картина В. И. Сурикова «Переходъ Суворова чрезъ Альпы въ 1799 году». Картина эта — величинѣ необычайной и первое впечатлѣніе далеко не въ ея пользу, что зависитъ главнымъ образомъ отъ непріятнаго, грязноватаго колорита. Колоритъ—это самое слабое въ произведеніяхъ В. И. Сурикова, отъ чего онъ, вѣроятно, уже никогда не избавится, а это очень жаль. Художникъ онъ несомнѣнно крупный и оригинальный, притомъ истинно русскій. Последнее съ несомнѣнностью доказываетъ и настоящая картина. Она передаетъ намъ въ живыхъ образахъ—то спокойное, не кричащее, истинное геройство, которое всегда составляетъ славу русскаго солдата. Военноначальникъ, счумѣвшій его понятъ, полюбилъ и вызвалъ къ себѣ его доверіе, — можетъ разсчитывать, что съ нимъ и невозможное будетъ возможно. Доказательствомъ этого, на первый взглядъ парадоксальнаго, положенія служатъ: переходъ Суворова чрезъ Альпы, перевалъ зимой чрезъ Балканы и цѣлый рядъ самыхъ блестящихъ страницъ нашей военной исторіи. Передавая на полотно одинъ изъ этихъ славныхъ эпизодовъ, со времени котораго нѣмце исполняется какъ разъ сто лѣтъ, художникъ счумѣлъ ярко выразитъ и это геройство, и эту крѣпкую нравственную связь между «отцомъ-командиромъ» и его «чудо-богатырями». Люди буквально висятъ на волосокъ отъ смерти, но шумятъ Суворова сразу заставляющъ забыть опасность—и хохотъ царитъ въ толпѣ солдатъ, совершающихъ великій историческій подвигъ за Царя и Отечество, по приказу отца-командира. Ни о какой исторической славѣ они не мечтаютъ, да и понятія о ней не имѣютъ, для нихъ скрижали исторіи — вещь совершенно невидимая. Шумливое слово Суворова для нихъ понятно. Чтобы возбудитъ геройство французовъ, Наполеонъ I, въ Египтѣ, указывалъ солдатамъ, что соими вѣковъ смотрятъ на нихъ съ вершинъ пирамидъ. Подобное высокопарное выраженіе ничего не скажетъ русскому солдату, а щупка, приправленная порой крупною

солды, — это было другое. Фигура Суворова, вообще вѣрная его современнѣмъ портретамъ, значительно теряется, однако, отъ того, что Суворовъ верхомъ на лошади поставленъ на такой узенькой площадкѣ, на которую ни вѣхаться, ни съѣхаться съ которой невозможно. Затѣмъ желательнѣе было бы, чтобъ фельдмаршалъ былъ написанъ болѣе ярко, а то видъ у него ужъ очень полновѣдливъ. Фигуры солдатъ очень хороши и типичны. Молодежь идетъ впередъ, ничѣмъ не смущаясь, старики стараются по возможности приспособиться безопасно. Но, конечно, ни нѣмъ, ни другимъ и въ голову не приходитъ мысль, что невозможно исполнить то, что приказываетъ начальство, — вѣдь ему лучше знать и не было рязового проникать въ замѣлки командира. Всякому сверчку полагается знать только свой листокъ. Историческая правда схвачена художникомъ вполнѣ, а въ этомъ и есть главное достоинство исторической картины. Въ интересахъ справедливости нельзя, однако, не указать, что въ некоторыхъ фигурахъ нарисованы не вѣрно: напр., у одного изъ солдатъ на первомъ планѣ почти нѣтъ туловища. Нельзя также не отметить издлинною скученность фигуръ. Конечно, во время такихъ переходовъ солдаты не собираются въ красивыя группы, но все-таки человекъ долженъ занимать надлежащее ему количество мѣста. Весьма возможно, что когда картина будетъ поставлена на мѣсто, она много выиграетъ, — теперь она стоитъ прямо на полу *).

Историческихъ жанровъ на выставкѣ мало. К. В. Лебедевъ выставилъ довольно большую по размѣру картину «Царь Иванъ IV Грозный простилъ игумена Кирилла (Кирилло-Озловскаго монастыря) благословитъ его въ монахи». Самъ Царь Іоаннъ совершенно не удался художнику. Въ немъ нѣтъ ни силы, ни величія, — ничего грознаго. Не такимъ его рисуетъ намъ исторія. Типъ Грознаго царя — не разъ привлекалъ къ себѣ русскихъ художниковъ. Кто его не писалъ — и Венигъ, и Рѣпинъ, и К. Маковскій, и Васнецовъ. Но никто изъ нихъ не далъ такого живого, исторически вѣрнаго или, по крайней мѣрѣ, отвѣчающаго нашему представлению Грознаго — какъ безвременно умершій Шварцъ. Къ его изображенію никто даже близко не подошелъ, и сравнивать Грознаго, Лебедева, — съ нимъ, конечно, уже не приходится: онъ просто слабъ и безъ всякаго сравненія. За то фигуры приближенныхъ не дурны, особенно рѣзкій Малюта Скуратовъ. У русскихъ художниковъ типъ Малюты вполнѣ выработался, и потому Малюта, Лебедева, — производитъ впечатлѣніе чего-то знакомаго. Напоминаетъ онъ и Малюту Новооскольцава, но только напоминаетъ, такъ какъ никакого прямого заимствованія не видно. Удачей художнику и игуменъ Кириллъ, крайне смущенный желаніемъ Царя и не знающій, что это — минутная вспышка или серьезное желаніе. Для приближенныхъ «Покаянный стихъ» не диковинка, и они спокойно смотрятъ на колѣнопреклоненнаго Царя. Рисовокъ и колоритъ хороши. Къ историческимъ жанрамъ нужно отнести и двѣ картины С. Д. Милорадовича: «Путешествіе протопопа Аввакума въ Сибирь» и «Пребываніе протопопа Авва-

*) Фотошпиль съ этой картиной, приобретенной Государемъ Императоромъ и Высочайше разрѣшенной къ воспроизведенію въ нашихъ журналахъ, не могла послѣдить вовремя къ выходу въ свѣтъ этого №.

кума въ Оратскомъ острогѣ. Главнѣйшій недостатокъ этихъ картинъ—тусклое письмо, неудобно распоряжаться краской. Но титъ Аввакума удачливѣе. Я не помню, на чей-то картинѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, промонотъ былъ изображенъ въ видѣ какого-то Степана Разина. У г. Милорадовича это просто деревенскій попикъ, по внѣшности ничего особеннаго не представляющій, но безконечное упрямство сквозитъ въ его маленькихъ глазахъ. Я не знаю, конечно, какой въ дѣйствительности обликъ имѣлъ Аввакумъ, но титъ упорнаго сектанта художникъ намъ далъ. Типичны и сопровождающія промонота лица, особенно солдаты недурны, но земны пейзажъ первой картинѣ нѣсколько суховатъ. С. В. Ивановъ далъ хорошо задуманный, но неудачно выполненный жанръ, такъ сказать полу-религиозный, — «Въ лѣсу. Памяти Стефана Пермскаго и другихъ просвѣтителей инородцевъ». Инородцы, въ своихъ характерныхъ вѣховыхъ костюмахъ, только что принесли жертву своимъ богамъ и собираются трапезовать. Къ нимъ подходитъ св. Стефанъ Пермскій съ крестомъ въ рукахъ. Фигура святаго совершенно

С. ИВАНОВЪ. «Въ лѣсу» (памяти св. Стефана Пермскаго). — S. IVANOFF. «Dans une forêt» (en mémoire de St Etienne de Perm).

неудачна ни по письму, ни по титѣ, но инородцы написаны прекрасно. Въ картинѣ хороша перспектива и недуренъ колоритъ.

Переходя къ жанровымъ картинамъ, которыхъ по обыкновенію у передвижниковъ не мало,—я прежде всего укажу на двухъ художниковъ, сдѣлавшихъ въ послѣдніе годы чрезвычайныя успѣхи. Первый изъ нихъ—Н. К. Пимоненко. На прошлой выставкѣ я помню два его недурныхъ портрета (одниъ М. Н. Драгомирова) и колоритную, но не особенно интересную «Ярмарку въ Малороссіи». Теперь онъ далъ двѣ картины: «Въ саду» и «Жертва фанатизма». На первой дѣвушка въ розовомъ платѣ прогуливается въ саду. Нарисована она прекрасно и гамма свѣтлыхъ тоновъ подобрана чрезвычайно удачно,— все свѣтло и ярко, но въ то же время жизненно, чуждо всякихъ кричащихъ эффектовъ. Другая картина того же художника—вещь гораздо болѣе сильная, продуманная. У еврейскаго дома, на окраинѣ города собралась толпа евреевъ, мужчинъ и женщинъ; толпа страшно возбуждена, кричитъ, ругается, угрожаетъ. Жертва ея—молодая еврейка, нарушившая заветъ или освященный временемъ обычай, — въ ужасѣ прижалась къ забору. Въ ея полубезумныхъ

ЛИМОНЕНКО. «Жертва фанатизма». — PIMONENKO. «Victime du fanatisme».

опъ страха глазахъ видно одно нѣмое отчаяніе. Около нея, на землѣ, сидитъ и плачетъ старуха, — вѣроятно, ея мати. Что ни фигура, то типъ. Толпа видимо озвѣрѣваетъ, — ей кровь нужна, и это звѣрство хищнаго звѣря, увидавшаго кровь, — красной нитью проходитъ по всеѣмъ лицамъ. Впечатлѣніе получается сильное. Въ художественномъ отношеніи, въ картинѣ — собственно два болѣе крупныхъ недостатка. Домъ, толпа, заборъ, все написано въ одномъ тонѣ, и притомъ не достаточно колоритно. Второе, фигура «Жертвы» слишкомъ длинна. За то рисунокъ другихъ фигуръ правиленъ и точенъ. Рядомъ съ жанромъ Лимоненко можно поставить картины Н. П. Богданова-Бѣльскаго. Онъ удивительно любовно рисуетъ крестьянскихъ ребятшекъ, особенно школьничковъ. Таковы, напр., его бѣлыя картины: «Устный счетъ», «Посѣщение больного учителя» и др. Каждая фигурка у него живетъ, индивидуальна, а не писана по шаблону или съ одной и той же натурой. Теперь художникъ далъ тоже сюжетъ изъ школьной жизни. Молодой учитель, сидя за фисъ-гармоникой, пробуетъ голоса. Ребята съ необычайной серьезностью и невольнымъ страхомъ относятся къ новому для нихъ дѣлу. Въ способѣ отраженія этихъ чувствъ на лицахъ — тонкая характеристика каждаго мальчугана. Рисунокъ въ общемъ правиленъ; жалъ только, что мальчики, стояще у стѣны, написаны не достаточно рельефно — фигуры ихъ плоски и точно прихвачены къ стѣнѣ. Колоритъ картинѣ теплый, приятный. Другая картина г. Богданова-Бѣльскаго правится мнѣ гораздо менѣе. Въ практикѣ за столбомъ сидятъ два бывшихъ товарища. Одинъ изъ нихъ — со-

вершено провинившійся золоторотецъ. другой — небогато одѣтѣи труженникъ, доброе сердце котораго не позволило ему не признать бывшаго товарища и постѣенитѣся сидѣти съ нимъ рядомъ въ публичномъ мѣстѣ. Но встрѣча тяжко отозвалась на немъ, и, опустивъ голову, онъ думаетъ не веселую думу. Фигура оборванца излишне подчеркнута, лохмотья его одежды выписаны черезчуръ тщательно, а лицо мало выразительно. Да и сюжетъ ужь очень заѣженный. Молодой художникъ могъ бы написать что-нибудь поинтереснѣе. Кому много дано, — съ того, вѣдь, много и спрашивается.

Изъ жанровыхъ картинъ «гвоздемъ» долженъ бы былъ быть жанръ Н. А. Касаткина — «Свиданіе съ арестованными. Женское отгѣленіе». Но картина совершенно не удалась художнику. Она не только не производитъ цѣльнаго художественнаго впечатлѣнія, — напротивъ, заставляетъ еще пожалѣть о потраченномъ трудѣ. У художника совершенно отсутствуетъ чувство мѣры и онъ даетъ саженое полотно, съ массой фигуръ, въ отгѣленности типичныхъ и характерныхъ, но въ общемъ другъ друга убивающихъ. Содержаніе картины видно по названію. За сѣткой, занимающей все полотно, сверху до низу — толпа женщинъ, пришедшая на свиданіе съ близкими имъ

БОГДАНОВЪ-БѢЛЬСКІЙ. «Проба голосовъ».
BOGDANOFF DE BELSK. «Essai des voix».

ГРАНДКОВСКІЙ.
«Вдовецъ».

GRANDKOWSKI.
«Un veuf».

арестантами. Все они изображаютъ опчаяше, въ разныхъ степеняхъ силы. Отчужденныя фигуры, повторны, хороши, но въ общемъ какая-то каша людей. Къ тому же и въ некоторыя фигуры написаны слабо; напр., у центральной женской фигуры, въ опчаяши поднявшей руки кверху, — послѣдняя необыкновенной длины, съ непомѣрно широкими ладонями, и написаны совѣмъ слабо. Нельзя признатъ удачною и сѣтку. Мелкія вещи г. Касаткина куда лучше. Очень хороши, напр., его «Вагранникъ», освѣщенный ярко краснымъ пламенемъ домашней печи. Очень типична старуха пашурница.

Симпатичную вещь «Вдовецъ» далъ Н. Н. Грандковскій, — въ немного настроенія; но рисунокъ не зломилъ точекъ. Неприятны по прежнимъ выставкамъ А. А. Куренинъ — далъ недурно скомпонованную, но слабо въ техническомъ отношеніи выполненную вещь: «Погъ диктовку». У художника есть наблюдательность, но учится ему нужно серьезно. — Мнѣ

ВИНОГРАДОВЪ.
«Нищие».

VINOGRADOFF.
«Les mendians».

всегда общно смотрѣть на картины Э. Я. Шанкѣ. У ней масса наблюдательности, масса непритворнаго чувства, но слабость рисунка не позволяетъ ей занять мѣсто среди настоящихъ первоклассныхъ жанристовъ. Мало кто такъ рисуетъ симпатично дѣтей, какъ она. Что за прелесть ея дѣвочка, вяжущая чулокъ; но неважный рисунокъ невольно расхолаживаетъ впечатлѣніе. Изъ молодыхъ жанристовъ я еще упомяну — С. А. Виноградова. Его «Нищие» — вещь довольно сильная, хотя написана съ тою небрежностью, которую нельзя терпѣть въ искусствѣ. Но и то правда — негдѣ учится рисовать нашимъ художникамъ, да и зачѣмъ, когда многіе пользующіеся славой жанриста не умѣютъ порядочно нарисовать человѣческую фигуру. Къ молодымъ жанристамъ нужно отнести и А. В. Маковского; онъ далъ крупный, но только по размѣрамъ, жанръ — «Съ барчукомъ на охоту». Барчукъ, очевидно, долженъ былъ изображать современнаго Митрофана, что, однако, не удалось, а вышелъ юноша съ лицомъ невообразимымъ какою-то неиз-

КИСЕЛЕВЪ.
«Прерванная жатва».

KISSELEFF
«Moisson interrompue».

А. МАКОВСКИЙ
«Съ барчукомъ
на охоту».

A. MAKOWSKI
«Départ à la
chasse».

известной болѣзнию, — оно опухло и дрябло. Можетъ быть, такой несчастливый юноша и существуетъ, но изображеніе его видѣтъ едва ли интересно. Окружающія барчука лица — претендуютъ на индивидуальность, но неудачно. Другой его жанръ «Надоѣла» избитъ по темѣ, но относительно неудренъ по исполненію. Скучно, но аккуратно вышитъ свои жанровыя картины П. А. Нидусъ; вытасается быть особенно оригинальнымъ К. А. Коровинъ, на этомъ разѣ давши «Губушку съ фонарями», — менѣе декадентскую, чѣмъ его обличительныя вещи, — и великолѣпно выписываетъ аксесуары своихъ картинъ В. Я. Сурявничъ. Ничего новаго они не даютъ. Изъ старыхъ жанристовъ хороши — К. В. Лемохъ. Правда, онъ художникъ и несколько однообразный, но за то вышитъ онъ хорошо. Его «Митка» — превосходный типъ продувного малчугана, которыхъ опредѣляютъ словами: изъ молодыхъ, да ранни. Хороша его дѣвочка патурица, во время отдыха отъ сеанса съ любовничествомъ разсматривающая обмановку мастерской. Профессоръ В. Е. Маковский далъ два болѣе или менѣе интересныхъ жанра: «Не признаю» и «На гастроли». Они въ обычной манерѣ художника и прекрасны для иллюстрированного журнала. Я, впрочемъ, такъ уже много говорилъ о характерѣ таланта и своеобразіи взгляда проф. Маковского на рисунокъ и вообще технику искусства, что повторять считаю совершенно излишнимъ. Правда картина А. М. Корина: «Передъ уходомъ въ гимназію».

Религиозныя картины на выставкѣ нѣтъ, кромѣ двухъ картинъ М. В. Нестерова, но онѣ такъ вымучены, такъ отыратительно нарисованы, что и говорить о нихъ не хочется. Когда-то подававшій надежды художникъ — эти надежды обмануль.

Переходя къ портретамъ выставки, я прежде всего укажу на портретъ графини Шереметевой, работы г. Богданова-Облѣваго. Онъ написанъ превосходно, тонко, съ внимательной выработкой деталей, въ чрезвычайно благородномъ стилѣ. Моделировка и дѣвка головы очень хороши. Сразу чувствуешь руку не только талантливаго, но и уважающаго свое искус-

КОРИНЪ. «Передъ уходомъ въ гимназію».
KORINE. «Avant le départ à l'école».

ство мастера. Жаль, что для такого прекраснаго произведенія не нашлось лучшаго мѣста на выставкѣ—онѣ поместитѣ невозможно поставленѣ.

Другой прекраснѣй портретъ— Н. А. Римскаго-Корсакова — далѣ В. А. Сѣровѣ. Онѣ написанѣ чрезвычайно широко и сильно. Только голова вѣрисана, остальное намѣчено, но рука мастера видна во всемѣ. Это художникѣ сложившійся, вѣрившій въ свои силы. Какѣ подумаешь, что тотѣ же художникѣ недавно еще выставялѣ такіе безобразные, антихудожественные портреты, какѣ, напримѣрѣ, портреты Мазина и Таманбо, писанные старой подошвой, а не кистью, — невольно порадуешься, что онѣ выходитѣ наконецѣ на настоящий пумб. Есть на выставкѣ еще два великолѣпныхѣ портрета, нѣсколько, правда, суховатыхѣ по тону, — это портреты Н. Н. Обручева и В. Г. Короленко, принадлежа-

щіе кисти покойнаго Ярошенко. Относительно неудачны два женскихѣ портрета, работы Н. Д. Кузнецова. Но въ нихѣ мало натурѣ, точно они писаны по фотографіи. Изѣ уваженія къ прежнимѣ портретамѣ Н. Е. Рѣпина я обхожу молчаніемѣ данный имѣ портретѣ г. Щербиновскаго.

Переходя къ пейзажамѣ, я прежде всего укажу на новинку. Профессорѣ Маковскій захотѣлѣ попробовать свои силы и въ пейзажѣ. Если разрѣшено всякому имѣть свою фантазію, почему же не имѣть таковой и художнику. Но заставлятъ публику этими фантазіями любоватѣся — это, пожалуй, не всегда слѣдуетѣ.

Великолѣпенѣ, по обыкновенію, Ив. Ив. Шишкинѣ — этотѣ дивнѣй поэмѣ сѣвернаго лѣса, умѣвшій бытъ разнообразнѣмѣ и въ однообразіи. Такого пейзажиста, пожалуй, долго намѣ не дождатѣся. Остальные пейзажисты, — давнѣ знакомцы посѣтителей передвижныхѣ выставокѣ. Е. Е. Волковѣ выставилѣ нѣсколько вещей, скучноватыхѣ по сюжетамѣ, но полныхѣ настроенія и хорошо написанныхѣ. Красочны и неудачны вещи Г. Г. Мясоѣдова. Хороши полотна А. А. Киселева, — они, вообще, добросовѣстно написаны, а «Прерванная жатва» въ особенности. И колоритѣ у художника пріятнѣй, хотя талантъ его не Богѣ вѣстѣ какѣ великѣ. Превѣще мѣрѣ прославляемѣй Н. И. Левитанѣ — все же художникѣ несомнѣнно талантливѣй, и хотя выставленѣ далеко не лучший его вещи, но нѣкоторыя изѣ нихѣ полны настроенія. В. М. Максимовѣ далѣ нѣсколько видовѣ Михайловскаго, Св. Горѣ и Тригорскаго — колоритныхѣ и тщательно зарисованныхѣ. Удачны вещи

А. Н. Шилдгера—по цѣмъ ничево особеннаго, оригинальнаго. Есть техника, но очень мало вдохновенія. Интереснѣе другихъ А. М. Васнецовъ. Это художникъ, сдѣлавшій крупный шагъ впередъ за послѣдніе два-три года. Его «Сѣверный край»—вещь прямо выдающаяся по силѣ письма, по мѣткому схваченной характеристикѣ могучаго, по холоднаго сѣвернаго пейзажа. Можно указать на нѣкоторые недостатки въ рисункѣ, но это для работающаго художника вещь поправимая. Хорошая тоже вещь—«Сумерѣный вечеръ». Очень типиченъ его «Старорусскій городъ», къ воротамъ котораго подѣблываютъ два всадника. Италіанскіе этюды того же художника—вѣрно передаютъ мѣстный колоритъ, но передавать красоту южнаго италіанскаго неба ему еще не удается. Затѣмъ изъ молодыхъ пейзажистовъ интереснѣе С. Ю. Жуковскій. Пока это еще не вполне сработавшійся художникъ, еще интуиція надлежащую дорогу, но природное дарованіе несомнѣнно есть, есть и оригинальность—нужно только желаніе работать. Мнѣ случилось, между прочимъ, видѣть въ Москвѣ его два пейзажа—гораздо лучшихъ, чѣмъ въ настоящее время.

Изъ маринистовъ выдѣляется Н. Н. Дубовской. Талантъ его несомнѣнно крупный, но однообразный. Безусловно хорошо онъ передаетъ тишу на морѣ и свѣтловыя эффекты, но повтореніе однихъ и тѣхъ мотивовъ въ концѣ концовъ надоедаетъ. Порой, какъ напр. въ картинѣ «Океанъ», недостаетъ силы. Изъ другихъ маринистовъ упомяну о Н. Н. Гриценко—дающемъ большія, но слишкомъ эскизно написанныя вещи.

Отцѣлъ скульптуры, «по обычаю», у передвижниковъ слабъ. А. В. Поленъ далъ статуэтку Ярошенко, мило сдѣланную и сходную, а кн. Трубецкой—бюстъ гр. А. Н. Толстого, незавидный.

старовѣрѣ.

отзвѣтъ по присужденію премій на конкурсѣ за сочиненіе рисунковъ для открытѣхъ писемъ.

Конкурсъ на сочиненіе рисунковъ для открытѣхъ писемъ, объявленныи, по порученію состоящаго подѣб покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества Принцессы Евгении Максимовны Ольденбургской Спб. Комитета попечительства о сестрахъ милосердія Краснаго Креста, можетъ считаться, по количеству приланныхъ работъ, вполне удавшимся.

Дѣйствительно, на конкурсѣ поступило свѣже двухъ сотъ рисунковъ, изъ которыхъ значительное количество было прилано изъ провинціи. Это явленіе слѣдуетъ признать весьма отраднымъ: оно показывается, на сколько конкурсъ дѣлалъ живое и съ какою интересомъ относится къ нему художники. Поэтому, необходимо отнестись критически къ приланнымъ работамъ и указать на пробѣлы и недостатки, которые быстро изгладятся впоследствии, когда работающіе болѣе привыкнутъ къ рѣшенію той или другой опредѣленной задачи.